

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.151)

*М.В. Белозёрова***К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
(НАЧАЛО 1920-х гг.)**

На основе историографических и архивных источников рассмотрены проблемы, связанные с образованием Ойротской автономной области. Создание области стало очередным шагом в интеграции национальных меньшинств в социально-экономическую и политическую систему региона. Ряд архивных источников введен в исторический оборот впервые.

Для сибирского региона в 1920-е гг. достаточно актуальной была проблема учета этнического компонента в процессе административно-территориального устройства. Как известно, в ходе районирования учитывался не только экономический потенциал региона, но и его национальный состав, относительно низкий культурный уровень автохтонного населения, специфика ведения традиционного хозяйства и социально-бытовых условий проживания. Сообразно экономическим, национальным и бытовым особенностям автохтонным народам предоставлялось право разработки схемы районирования в форме автономных республик и областей. При этом районы проживания кочевников, у которых еще сохранились не только феодальные, но и патриархальные отношения, выделялись особо. Со стороны центральных органов власти рекомендовалось отказаться от объединения в одну территориальную единицу кочевого и оседлого населения. Постановка данного условия была вызвана, по мнению Совета национальностей (Совнац), тем, что исключительная отсталость «кочевников» по сравнению с «оседлым» населением могла вызвать усиление антагонистических межнациональных отношений [1. Д. 216. Л. 125]. То есть в отдельные административно-территориальные единицы должны были выделяться оседлые, скотоводческие и только в отдельных случаях «смешанные» районы. Таким образом, в ходе решения вопросов административно-территориального устройства Советским государством делались достаточно последовательные шаги в процессе интеграции малочисленных, отсталых в социально-экономическом и культурном отношении этносов в модернизируемое общество.

Рассматривая проблему административно-территориального устройства государства, следует обратить внимание на ее взаимосвязь с проблемой самоопределения и автономии народов в рамках данного государства. Здесь мы разделяем позицию Ю.В. Попкова и В.А. Бойко, что только принцип национальной автономии может обеспечить оптимальное решение вопросов самоопределения и самоуправления [2. С. 36].

Обратимся к истории формирования национальных образований в Алтае-Саянском регионе, отличавшемся сложным национальным составом и существенными различиями традиционных систем жизнеобеспечения автохтонного населения.

В начале 1920-х гг. в достаточной степени острой была проблема выделения в автономные административные единицы территорий, заселенных алтайцами (Горный Алтай), хакасами (Минусинский уезд Енисейской губернии), шорцами (южная часть Кузнецкого уезда Томской губернии Горная Шория). При этом в среде национальной интеллигенции и части населения высказывались планы как образования отдельных национальных административно-территориальных единиц, заселенных этими народами, так и образования единой автономии. Предлагалось несколько вариантов национально-государственного устройства этого региона.

В целом в историографии отведено определенное место данной проблеме. В этой связи можно отметить ту проблематику, которая получила наибольшее освещение. Это процессы становления автономии в период между Февральской революцией 1917 г. и образованием Ойротской автономной области; история Алтайской Горной Думы и Каракорума; проблемы национализма в среде алтайцев и его связь с идеями сибирских областников. В историографии были также подняты вопросы, отражавшие желание представителей национальной интеллигенции и зажиточных слоев коренного населения Алтая, Хакасии создания «великой азиатской республики Ойрот». В то же время следует отметить, что ряд вопросов, связанных с образованием Ойротской автономной области, остался вне поля зрения исследователей.

Для их решения нами были использованы документальные материалы центральных и местных архивов. Это документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-1318 «Народный Комиссариат по делам национальностей (Наркомнац)», Архива Музея археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН Ф. 3 «Личный архив Н.П. Дыренковой», Государственного архива Кемеровской области (ГАКО) Ф. П-3 «Горно-Шорский райком ВКП(б)». Также был проанализирован ряд публикаций периодических изданий.

Анализируя исследования, посвященные проблеме создания Ойротской автономии, опубликованные и архивные документы, прослеживается, что «национальное пробуждение» и идеи «автономизации» были связаны прежде всего с Горным Алтаем и коренными народами, проживавшими там. Эти идеи зародились в среде немногочисленной интеллигенции, тесно связанной с областниками. Они поддержали их убеждения об автономии Сибири, согласно которым «инородцам» Алтая должна была представиться возможность само-

определяться и создать свое самоуправление в силу их особой культуры, быта, особых географических, этнографических и т.п. условий [3. С. 66; 4. С. 9]. Эта позиция была поддержана зажиточной частью населения. Данный тезис подтверждается и исследованиями Л.П. Потапова [5. С. 443].

Идеи национальной интеллигенции попали в уже благодатную почву бурханизма, который получил значительную поддержку среди национальных меньшинств Алтая. Оценка национально-освободительного характера этого конфессионального по природе движения, направленного против последствий деятельности Алтайской духовной миссии и землеустроительной политики Кабинета, уже рассматривался в отечественной историографии [6, 7].

Наиболее активно идея автономии Горного Алтая стала прорабатываться после Февраля 1917 г. и особенно после Октябрьской социалистической революции 1917 г. На протяжении этого времени Горная Дума (создана в июле 1917 г. как исполнительный орган до выделения самостоятельной земской единицы) неоднократно ставила перед Бийским уездным Собранием вопрос о самоопределении Горного Алтая. Однако он не решался. В конечном счете руководство Горной Думы 12 февраля 1918 г. без всяких согласований выделило Горный Алтай из состава уезда. Законодательное оформление автономии проходило с 6 по 12 марта 1918 г. на Учредительном съезде в с. Улала [3, 4, 8]. В это же время актуальной стала идея создания самостоятельной республики, в которую, по мнению инициаторов, должны были войти земли, «входившие некогда в государство Ойрот»: «...русский Алтай, земли минусинских туземцев, Урянхай (Тува), Монгольский Алтай и Джунгария» (северная часть китайской провинции Синьцзян). В историографии это было показано не только как желание собрать «...разрозненные племена монгольских и ойротских народов...» [3. С. 70] и создать «великую азиатскую республику» [5. С. 451], но и как стремление «...отторгнуть народы юга Сибири от Советской России...» [9. С. 28].

Одним из первых шагов в сторону формирования автономии в годы Гражданской войны стало создание Каракорум-Алтайского округа (1918–1919 гг.). По мнению В.Г. Чеботаревой, руководители Каракорум-Алтайского округа с момента его создания имели план преобразования его в независимую от РСФСР республику [10. С. 235].

Таким образом, в этот период закладывались основы развития национальной автономии. И одним из первых вариантов было объединение нескольких этносов и территорий, на которых они проживали, в одну административную единицу.

Аргументируя возможность создания государства Ойрот или Великой Азиатской Республики, областники и представители националистического движения, по мнению Л.П. Потапова, не учитывали специфику региона. Так, народы Южной Сибири придерживались разных конфессий. Население Урянхай – это буддисты-ламаисты, алтайцы – шаманисты; население Джунгарии – буддисты и мусульмане. Народы не имели «единства в хозяйственной деятельности». Одни были оседлыми земледельцами, другие – скотоводами-кочевниками, тре-

ты – полукочевниками. Они не имели и языкового единства (монгольский и тюркский языки). Именно Л.П. Потаповым была высказана мысль о существовании платформы регионального «национализма», ориентированного на создание особой автономной области (например, Ойрот-Хакасии) [5. С. 461].

К вопросу об организации автономии вернулись уже после Гражданской войны. При этом идея объединения нескольких этносов в рамках одной административно-территориальной единицы сохранялась. Так, в 1922–1925 гг. в среде национальной интеллигенции существовало мнение об объединении Хакасии, Горного Алтая, Горной Шории и Тувы в одну Тюркскую советскую республику [11. С. 287]. Известно, например, что существовало несколько планов административно-территориального устройства территории, населенной шорцами (южная часть Кузнецкого округа Томской губернии) и хакасами (часть Минусинского уезда). Так, по предложению лидеров алтайской национальной интеллигенции предлагалось включить южную часть Кузнецкого округа, населенную шорцами, в Ойрот-Хакасскую республику, а по другому варианту – в республику Ойрот. Желание присоединения к каким-либо административным единицам подтверждает и «Информационный отчет Горно-Шорского райкома ВКП(б)» за 1926 г., в котором отмечалось, что район был разделен на четыре части, население которых требовало присоединения к различным административно-территориальным единицам – Кузнецкому, Бийскому районам, Ойротии, Хакасии [12, 13]. Стремление части шорского населения присоединиться к республике Ойрот подтверждала и Н.П. Дыренкова в своих «Путевых заметках о Шории». Она отмечала, что действительно существовало «...неофициальное мнение о тяготении алтайцев и шорцев друг к другу...» [14].

Эту идею активно прорабатывало и руководство Ойротского ревкома в 1921–1922 гг. при создании Ойротской автономной области, надеясь отделить 3–4 волости Кузнецкого уезда и присоединить их к вновь образуемой административной единице [1. Д. 134. Л. 6; Д. 1386. Л. 7]. Однако данный вопрос не был в достаточной степени освещен в историографии. Остановимся на нем более подробно.

Устремления руководства Ойротского ревкома не были беспочвенными и поддерживались Томским губернским отделом по делам национальных меньшинств. Этот тезис подтверждается рядом документов, высланных в Наркомнац Томским губотнацем в течение весны 1923 г. («Докладная записка губотнаца», «Проект обязательного постановления», «Отчет о деятельности Томского губотнаца от 1 апреля 1923 г.») о выделении южной части Кузнецкого уезда в автономную область. Записка была составлена заведующим Томским уотнацем Вайно и заместителем председателя ревкома Ойротской автономной области Л. Сары-Сеп-Конзачаковым. Суть документов заключалась в следующем [1. Д. 1386. Л. 7; Д. 458. Л. 92]:

1. Вопрос о выделении «туземцев юга Сибири» в автономную единицу возник в 1921 г. Под «туземцами» подразумевались инородцы, проживавшие в южной части Бийского, Кузнецкого и Минусинского уез-

дов. Однако Декретом от 1 июля 1922 г. в автономную область были выделены лишь инородцы Горного Алтая. Инородцы же Кузнецкого и Минусинского уездов ввиду отсутствия о них «надлежащих заключений» от Томского и Енисейского губисполкомов «оставались вне этого объединения».

2. В связи с этой неудачей губотнац «вошел в соглашение» с Ойротским ревкомом и выработал проект присоединения южной части Кузнецкого уезда к Ойротии (согласно «Отчету...»).

3. В «Докладной записке» содержалась просьба решить данный вопрос. Аргументами в пользу объединения этих этносов авторы называли этнографическую, культурную, экономическую «родственность», отдаленность их поселений от уездных центров, их тяготение к такому объединению.

По мнению авторов докладной записки, выделение шорцев «...никакого ущерба Томской губернии не принесет...». И, кроме всего вышеперечисленного, они апеллировали к тому, что «этот вопрос в положительном смысле решен Президиумом ВЦИК и Сибревкомом, так что требуется... санкция Томского губисполкома...» [1. Д. 1386. Л. 7].

Одновременно в Наркомнац и Сибревком (на утверждение) был выслан проект постановления Томского губисполкома «О необходимости присоединения татаро-шорцевских волостей Кузнецкой тайги к Ойротской автономной области» с положительным решением вопроса. В документе также были определены границы и те территории, которые должны были отойти к Ойротской автономной области. Предполагаемая граница шла по водоразделам между реками Алтроп, Неня, Сары-Чулым до улуся Качагай, далее по р. Кондома и ее притокам: водоразделу рек Упзас, Тельбес, Тая, далее по водоразделу рек Кондома и Мрассу (причем р. Кондома оставалась в пределах Кузнецкого уезда, а р. Мрассу отходила в Ойротскую область). Затем граница должна была пересекать р. Томь при впадении в нее р. Мрассу. Далее граница проходила по водоразделу между реками Чузал-Су и Тутуяс и доходила до границы Кузнецкого и Минусинского уездов. Часть улусов (5 улусов и заимок) переходила в Ойротскую область, часть оставалась в Кузнецком уезде (5 улусов и заимок). Особо оговаривалось, что население улусов, не вошедших в Ойротскую область, но пожелавших к ней присоединиться, могут переселиться в Ойротскую автономную область [1. Д. 1386. Л. 8].

Однако этим планам не суждено было сбыться. В разных источниках указаны разные причины отказа от этих проектов. Например, Н.П. Дыренкова в своих дневниках ссылалась на мнение Ойротского облисполкома (в основном русского по своему национальному составу), который дал отрицательный ответ: «Ойротская область не хочет никаких соединений с Шорией... экономического тяготения между Ойротией и Шорией нет...», отмечая экономическую и культурную отсталость последней (прежде всего отсутствие путей сообщения между районами, т.е. «...общаться пришлось бы через Кузнецк и Новониколаевск...») [14].

Анализ документов ГАРФ позволяет, на наш взгляд, выявить основные причины, которые не позволили реализовать план объединения Горного Алтая, Хакасии и Горной Шории в рамках одной административно-

территориальной единицы. Во-первых, Енисейский губисполком «обошел молчанием» данный проект. Поэтому руководство Ойротского ревкома все внимание сосредоточило на возможности присоединения к Ойротии только Горной Шории. Во-вторых, Томский губисполком, обсудив вопрос и подготовив все документы, не дал окончательного заключения, ожидая решения Наркомнаца. А в связи с начавшимся в 1923 г. районированием Сибири все документы, касавшиеся возможности присоединения южной части Кузнецкого уезда к Ойротской автономной области, были направлены в губернскую административную комиссию. Ее заключение было отрицательным. В протоколе заседания Томской губернской административной комиссии от 25 апреля 1923 г. излагалась и аргументация признания нецелесообразности подобного шага [1. Д. 458. Л. 92; Д. 1386. Л. 14–15]. По мнению членов комиссии, *шорцы, безусловно, «тяготели» только к Томской губернии*, но никак ни к Ойротской автономной области: территорию проживания кузнецких инородцев связывали с г. Томском железная дорога и водный путь по р. Томи; с Ойротией же связи не было, она осуществлялась только посредством троп; строительство грунтовой дороги было затруднено из-за гористой местности. Инородцы не сеяли зерновые культуры и не имели своего хлеба, помощь получали из Томска, Кузнецка и Щегловска, т.е. из Томской губернии, в то время как через горные хребты подобную поддержку получить от Ойротии практически было не возможно. Из четырех волостей, намеченных к присоединению к Ойротской АО, две (Томская и Кондомская) на 47% были заселены русскими и только на 53% – инородцами. При этом русские и инородцы проживали чересполосно. То есть так называемого тяготения к Ойротии комиссия не нашла. Другие две волости (Мрасская и Верхне-Кондомская) на 97% были заселены инородцами. С этой точки зрения, их логично было бы их присоединить к Ойротии. Однако эти волости были также экономически связаны с Томском и Кузнецком через с. Кузедеево. Кроме этого, отделение части Кузнецкого уезда в административное ведение Ойротской АО, по мнению экспертов, нарушило бы хозяйственную целостность богатейшего различными полезными ископаемыми Кузнецкого бассейна. В качестве же *альтернативы* комиссия выдвинула предложение *выделения территории, населенной шорцами, в отдельную территориальную единицу на правах райисполкома*, учитывая бытовые и культурные их особенности.

Таким образом, Томскому губотнацу не удалось согласовать свой проект с такими структурами, как Губземуправление и Губернская административная комиссия. В то же время Губернская административная комиссия посчитала допустимым передать часть территорий в ведение Ойротской АО (систему р. Лебедь) и Енисейской губернии (систему р. Абакан) [1. Д. 1386. Л. 15], что впоследствии и было осуществлено. Итогом работы административной комиссии стала передача всей документации в мае 1923 г. в планово-бюджетную комиссию «как материал по районированию» [1. Д. 1386. Л. 17], и план по присоединению первоначально намеченной территории не был реализован. Но и выделение южной части Кузнецкого уезда Томской губернии в

самостоятельную административно-территориальную единицу не было реализовано вплоть до 1926 г.

Одновременно с планом создания «Тюркской Советской республики» прорабатывался и план выделения Горного Алтая в автономную область. Осенью 1921 г. в Москву прибыл представитель алтайского ревкома Л. Сары-Сеп-Конзачаков с проектом «О выделении Алтая в автономную область». Коллегия Наркомнаца, рассмотрев этот вопрос, запросила Сибревком заключение по данному вопросу [10. С. 235–237]. Президиум Алтайского губернского комитета РКП(б) (г. Барнаул) высказался за предоставление автономии. 11 декабря 1921 г. Президиумом Алтайского губисполкома Постановлением за № 58/2 была сформирована комиссия для разработки вопроса о выделении «Алтайской автономной единицы» и определения административных границ и районирования. Уже к февралю 1922 г. проект был готов и утвержден на совместном заседании губкома партии и экспертов-экономистов. 1 июля 1922 г. вышло Постановление ВЦИК об организации Ойротской автономной области. Постановление передавало всю полноту власти ревкому, ближайшей задачей которого был созыв I Учредительного съезда советов Ойротской автономной области. На нем должен был быть избран исполнительный комитет Ойротской автономной области с правами губернского исполнительного комитета. Наркоматы по внутренним делам и делам национальностей, а также Сибирский ревком должны были создать комиссию для разрешения вопросов, «...могущих возникнуть при детальном установлении границ автономной Ойротской области...» [3. С. 118]. Состав областного ревкома объединял пять человек. Председателем был назначен Н.Ф. Иванов-Меджит. Административным центром стало с. Улала, 1–5 мая 1923 г. прошел Учредительный съезд советов. На нем был избран областной исполнительный комитет, председателем которого стал тот же Н.Ф. Иванов-Меджит.

Рассматривая проблему образования Ойротской автономной области, на наш взгляд, нельзя оставить без обсуждения аргументацию выделения в самостоятельную административно-территориальную единицу. Дело в том, что в начале 1920-х гг. на пути к этому существовали значительные трудности, о которых, как показывает анализ архивных документов, инициаторы выделения Горного Алтая в автономию прекрасно знали и разрабатывали варианты их преодоления.

В связи с этим можно обратиться к таким документам, как «Протокол общего собрания алтайцев г. Горно-Алтайска от 19–20 марта 1922 г.» (присутствовало 30 человек) и «Протокол собрания инородцев, находящихся в г. Алтайске» (апрель 1922 г.; присутствовало 73 человека). Основным вопросом повестки дня этих заседаний был «Об автономной области в Горном Алтае». Анализ этих документов показал, что сложности заключались в следующем [1. Д. 1374. Л. 4–8]:

– малочисленность населения, которая особенно стала ощущаться после Гражданской войны и эпидемии тифа. В период Каракорума в регионе насчитывалось около 70 тыс. жителей, что статистически подтверждалось «Демографическими сведениями по Ойротии по переписи 1920 г.». В момент образования Ой-

ротской автономной области (1922 г.) численность населения сократилась вдвое и составляла всего 25–30 тыс. человек [1. Д. 482. Л. 53; Д. 1374. Л. 6]. Хотя следует отметить, что П.Я. Гордиенко, один из инициаторов создания Ойротской автономии и впоследствии секретарь обкома в своих воспоминаниях «Ойротия» приводит другие данные, основываясь на статистических материалах Ойротского областного статистического бюро и статистической секции областной плановой комиссии. Согласно им общая численность населения в 1923 г. возросла и составляла 82 943 человека [3. С. 133, 141]. Тем не менее, плотность населения в среднем в этот период составляла примерно 0,9–1 человек на 1 кв. км, что, несомненно, свидетельствует о незначительной заселенности региона;

– незначительная доля коренного населения алтайцев в национальном составе. По мнению инициаторов образования автономии, население в основном было русским. Поэтому закономерен вопрос: зачем создавать автономию, если алтайцы окажутся в меньшинстве, что могло привести к «...пробуждению еще не исчезнувшего антагонизма между русскими и алтайцами...» [1. Д. 1374. Л. 6], характерного в предреволюционный период и особенно проявившегося в ходе Гражданской войны. Однако анализ источников указывает на то, что доля русского населения лишь незначительно превышала долю автохтонного населения (русских – 54,9%, алтайцев – 41,7%) [3. С. 133];

– незначительная доля образованных людей из среды алтайцев. Как правило, это представители духовенства, служащие-секретари. По признанию партийного руководства, это «...лишь десяток-другой лиц с небольшим образованием...» [1. Д. 1374. Л. 6]. В результате должна была сложиться ситуация, при которой во всех учреждениях и организациях работали бы в основном представители русских, что опять же могло привести к недовольству со стороны автохтонного населения;

– недостаток средств для проведения данного мероприятия.

Возможности решения этих проблем прорабатывались инициаторами автономии. При анализе документов, касающихся данного аспекта, на наш взгляд, во-первых, проявляется четкая взаимосвязь с проблемой объединения ряда этносов Саяно-Алтая и образования автономии; во-вторых, появляется ответ на вопрос, почему руководство Ойротского ревкома было сторонником такого объединения. Дело в том, что решение вышеизложенных проблем виделось им *за счет сопредельных регионов*. Предполагалось, что проблема малочисленности населения решится через присоединение к будущей Ойротской автономной области части волостей Бийского (3–4 волости) и Кузнецкого (3–4 волости) уездов. В итоге вместе с русскими население будет составлять около 130 тыс. человек, из которых «...туземного населения... около 1/3 части, остальные около 75% русские...» [1. Д. 1374. Л. 6]. Не смущало инициаторов образования автономии и второе обстоятельство малочисленность автохтонного населения. Ведь даже с присоединением других территорий оно бы все равно составляло значительное меньшинство. Проблема, с их точки зрения, решалась следующим образом. Алтайцы как коренное население автономной

области не должны иметь численного преимущества перед русскими: «...что возможно... ожидать... от некультурных полудикарей, ...произвол и давление...» [1. Д. 1374. Л. 6] на русское население, что вызвало бы со стороны последних недовольство и, возможно, повторение «кровавых событий» Гражданской войны. В то же время русские как «более культурные», по мнению руководства Ойротского ревкома, могли оказывать влияние на алтайцев. Именно это и являлось, с их точки зрения, преимуществом. С этим связаны и проблемы малообразованности алтайцев по сравнению с русскими, и предоставления рабочих мест для представителей автохтонного населения. По мнению инициаторов автономии, преимущественное предоставление рабочих мест в учреждениях и организациях представителям русских как более образованному населению – это нормальное явление: «...дождаться, когда из алтайцев выйдут молодые культурные силы, нет времени...» [1. Д. 1374. Л. 6], вопрос будет решен со временем, когда будет повышен их образовательный уровень. И последняя проблема: откуда взять средства на преобразования. Инициаторы прекрасно понимали, что экономическое положение в регионе чрезвычайно тяжелое: не было промышленности и промышленных предприятий; в ходе Гражданской войны в упадок пришла основная отрасль хозяйства – скотоводство; земледелие было практически не развито; охота и собирательство не являлись постоянным источником доходов, поэтому основным источником получения средств для выделения автономии должны были стать предналоги [1. Д. 1374. Л. 6].

Как видно из вышеизложенного, каких-либо оснований, экономических или этнических, для выделения автономии на территории Горного Алтая, в сущности, не было. Тем не менее на общем собрании алтайцев в г. Горно-Алтайске была принята резолюция о целесообразности и желательности выделения «Автономной области Ойротских народов». Основным аргументом в ее пользу был, на наш взгляд, националистический: «...бытовые условия алтайцев и желание... всего алтайского населения, выявившееся еще при царском строе...» [1. Д. 1374. Л. 7] к обособлению. И второй аргумент – курс национальной политики советской власти на самоопределение: «...только Советская

власть может дать всем мелким нациям самоопределение...» [1. Д. 1374. Л. 8].

Таким образом, национально-государственное строительство у автохтонного населения Южной Сибири в 1920-е гг. выразилось в образовании ряда административно-территориальных единиц. Стремление к национальному самоопределению коренного населения в Горном Алтае проявилось в стремлении к «автономизации». Ни предшествующие исследования, ни источники не свидетельствуют о том, что это было желание всего алтайского народа. Имеющиеся данные указывают на то, что данные идеи сформировались в среде национальной интеллигенции до Октябрьской революции 1917 г., близкой к сибирским областникам и их убеждениям об автономном развитии Сибири. На их основании была сформирована идея, согласно которой инородцам Алтая должна была представиться возможность самоопределяться и создать свое самоуправление в силу их особой культуры, быта, особых географических, этнографических условий. Впоследствии эта точка зрения была поддержана частью алтайского населения, а также большевиками, принимавшими активное участие в революционных событиях и позднее работавшими на территории Горного Алтая, по национальному составу в большинстве своем не являвшимися представителями коренного населения. Используя националистические настроения части алтайцев, политику большевиков, направленную на реализацию самоопределения наций, последующее районирование, им удалось реализовать идею автономии в форме Ойротской автономной области. Социально-экономическое положение вновь образованной автономии было в достаточной степени сложным. Поэтому ее руководство предприняло попытку, хотя и неудачную, решить проблемы за счет сопредельных территорий. Несмотря на все трудности, создание Ойротской автономии имело и положительное значение: давало определенную степень экономической свободы, возможность создания социальной инфраструктуры, формирования слоя партийных и управленческих кадров, интеллигенции из среды автохтонного населения. То есть являлось одним из первых шагов в процессе интеграции алтайцев в систему советского социалистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1.
2. Попков Ю.В., Бойко В.А. Политико-правовой статус коренных народов Севера. На пути в мировую цивилизацию. Новосибирск: ИФиП СО РАН, 1997.
3. Гордиенко П. Ойротия. Горно-Алтайск, 1994.
4. Кыдыев В. «Бей в прошлом настоящее...» // Энчи (Наследие). 1990.
5. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск: Новосибиргиз, 1948.
6. Садовой А.Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – XX в.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1992.
7. Садовой А.Н. Землеустройство и принципы национальной политики (Горная Шория. XIX – 30-е годы XX в.) // Из истории юга Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993.
8. Демидов В.А. От Каракурума к автономии. Новосибирск: НГУ, 1996.
9. Артеменко А.Л. Осуществление национальной политики в Хакасии в 1921–1925 годы // Вопросы социально-экономического развития Хакасии (история, экономика, культура, наука). Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1968.
10. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003.
11. История Сибири. Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. Т. 4.
12. Белозерова М.В. Шорцы: жизнь и реформы (20–60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество. Кемерово: ИУУ СО РАН, 2004.
13. ГАКО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.
14. Архив Музея археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. № 46. Л. 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 ноября 2007 г.